

На правах рукописи

Ким Игорь Ефимович

**СОПРИЧАСТНОСТЬ И КОНТРОЛЬ
В ЛИЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИЧЕСКИХ СФЕРАХ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации
Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО
«Сибирский федеральный университет»

Научный консультант доктор филологических наук, профессор
Шмелева Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты
доктор филологических наук, профессор Дымарский Михаил Яковлевич
доктор филологических наук, профессор Федосюк Михаил Юрьевич
доктор филологических наук, профессор Шмелев Алексей Дмитриевич

Ведущая организация
ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»

Защита состоится 13 декабря 2011 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГАОУ
ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу 660041,
г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 6 УЛК ИНИГ, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского
федерального университета по адресу 660041, г. Красноярск,
пр. Свободный, 79, стр. 10.

Реферат разослан «___» ноября 2011 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Целью настоящего исследования является описание и систематизация средств выражения внутренней (личной) связи человека с явлениями окружающего мира в русском языке. Эта связь может быть лишена иерархического компонента, а может быть иерархической, такой, в которой человек играет определяющую роль в отношении и его проявлениях. В первом случае можно говорить о сопричастности человека со статическими реалиями или причастности к динамическим реалиям, а во втором – о контроле над ними. Условным пространством, в котором реализуется эта внутренняя связь, является личная сфера человека, а наиболее важным аспектом ее проявления – функционирование в социальной сфере.

Объектом исследования являются личная и социальная сферы человека как феномены семантики языка. **Предметом** исследования выступает содержание и языковое выражение отношений сопричастности/причастности и контроля, формирующих состав реалий, образующих личную сферу и во многом определяющих специфику социальной сферы.

Понятия личной сферы, сопричастности и контроля появились в лингвистике сравнительно недавно. В исследованиях анафоры активно использовалось понятие контролера (контроллера) анафоры, по сути антецедента анафорического местоимения. И только в 80-х годах XX века, в рамках когнитивного подхода к анафоре, появились работы А.А. Кибрика, предложившего понимать под контролером анафоры не языковую единицу, а автора высказывания, человека, реально контролирующего ее использование. В 1982 году понятие контролируемости было использовано Т.В. Бульгиной для описания семантики предикатов в синтаксисе. Такое использование термина получило распространение в исследованиях глагольной семантики и семантики действия.

В 1986 году Ю.Д. Апресян установил, что с помощью понятия личной сферы удобно толковать многие слова, выражающие знаковую и психическую деятельность, а также описывать значение некоторых дейктических грамматических категорий, прежде всего лица. Существует аналогичное психологическое и проксемическое понятие – личной зоны, личного пространства, но оно передает только пространственные отношения между людьми в процессе деятельности и коммуникации, то есть, в отличие от понятия, введенного Ю.Д. Апресяном, отражает внешние отношения человека.

В том же 1986 году В.С. Храковский и А.П. Володин нетерминологически использовали слово *сопричастность* для описания специфического употребления инклюзивной формы императива.

Сопричастность и контроль по-разному проявляются в зависимости от природы реалий, с которыми взаимодействует человек. Речь идет о природном (натуральном, физическом) мире, внутреннем мире человека и

социальном мире. В семантике для этих «миров» также используется понятие сферы. Это означает, что понятие семантической сферы применяется по отношению к феноменам, имеющим разную природу.

Поэтому **первая задача** исследования – теоретическая разработка понятия «семантическая сфера», описание системы семантических сфер в семантике русского языка и выявление в них места личной сферы.

К **другим задачам** исследования относятся:

– описание социальной семантической сферы как наиболее важного «пространства» реализации контроля и сопричастности и образующих эту сферу реалий как семантических феноменов и рассмотрение особенностей выражения реалий социальной сферы.

– анализ понятий контроля, сопричастности и причастности, а также описание языковых средств их выражения.

– описание рефлексивной лексики русского языка, класса слов, обозначающих психоментальные и речевые события и содержащих семантику сопричастности/причастности или контроля.

Источником материала для исследования послужили тексты современного русского литературного языка без их специальной дифференциации по времени создания, сферам общения, по функциональным стилям или жанрам. Активно использовались материалы Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)¹, Интернета (в основном с помощью поисковой системы «Яндекс»). Кроме того была проведена сплошная выборка толкований слов или их ЛСВ, обозначающих психоментальные и речевые события и содержащих семантику сопричастности/причастности или контроля, из МАС. МАС использовался и как источник материала, и как прецедент лингвистического описания. Толкования слов и их семантических вариантов использовались как первичное описание семантики, во многих случаях отражающее нашу концепцию, но часто не вскрывающее отношений сопричастности и контроля, скрытых в лексической семантике. **Объем выборки** контекстов составил 15 тыс. единиц, основная выборка МАС насчитывает 2491 лексему или ЛСВ. В единичных случаях в качестве иллюстративного материала использовались контексты из цитируемой литературы.

Семантическая природа рассматриваемых феноменов определяет набор использованных в работе **подходов к исследованию, исследовательских методов и приемов анализа**. Доминантой исследования является антропоцентрический подход (Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, В.Н. Телия и др.), в рамках которого семантика языковых единиц описывается в их отношении к человеку. Второй общий подход, применяемый в исследовании, – функциональный, устанавливающий отношение между языковой формой и ее содержанием, между языковой единицей и обозначаемой ею

¹ В тексте отмечаются знаком * (звездочка).

реалией. В описании семантических сфер преимущественно использовался ономасиологический подход «от смысла к форме», что определяется изначальной зависимостью языковой семантики от обозначаемого языком объектного мира. Однако специфика языковой картины мира неизбежно приводит к реализации и обратного направления исследования – семасиологического подхода «от формы к смыслу», который был реализован прежде всего при описании слов или их ЛСВ, обозначающих психоментальные и речевые события и содержащих семантику сопричастности/причастности или контроля. Комплексный характер выражения контроля и сопричастности позволил использовать интегральный принцип описания, при котором при изучении семантической категории референтный и пропозитивный анализ соединяются с традиционным лексикологическим описанием.

Основным методом исследования выступает традиционный описательно-аналитический метод. В работе также применялись элементы лингвистического моделирования, в частности, использование пропозитивного анализа семантики предикатной лексики и высказываний, каузативной модели семантики действия. При анализе слов или их ЛСВ, обозначающих психоментальные и речевые события и содержащих семантику сопричастности/причастности или контроля, использовалась классификационная процедура, которая носила по большей части характер «естественной» классификации, которая неизбежна при анализе больших массивов лексики. Кроме того, в этой части работы активно использовались приемы толкования, как правило аналитического типа. Существенная роль в описании семантики сопричастности и контроля отводилась анализу взаимодействия языковой единицы и контекста (контекстному анализу), лингвопрагматическому анализу. Для установления предела возможностей, границ потенциала слова, синтаксической конструкции или морфологической формы использовались трансформационные методики и «отрицательный» материал.

Актуальность исследования определяется устойчивым на протяжении четверти века интересом лингвистики к роли человеческого фактора в языке. До сих пор остается актуальным поиск и описание специфически языкового представления человека. При этом особую актуальность представляет обнаружение скрытых «следов» человека, его сознания, чувств, воли, усилий, в семантике языковых единиц. Кроме того, актуальность данному исследованию придает неразработанность некоторых вопросов семантики предложения и предикатных слов и прежде всего вопроса о соотношении в ней динамического и субстанционального начал, связанных со структурой моделируемых предложением ситуаций.

Научная новизна работы заключается прежде всего в применяемом в работе интегральном подходе к анализу языковых фактов, в котором соединяются приемы прагматического, семантико-синтаксического, референциального и лексико-семантического анализа. Кроме того, новой явля-

ется концепция системы семантических сфер в лингвистической семантике, вводящая в нее антропоцентрические сферы. Новизна также заключается во введении в языковую семантику и теоретической разработке понятий причастности и сопричастности, в установлении соответствия между двумя традициями употребления термина контроль (теория референции и событийная семантика), во введении в лингвистический оборот понятия рефлексивности и систематическом описании рефлексивной лексики русского языка.

Общая **теоретическая ценность** работы состоит в развитии языка описания лингвистической семантики. В более частных аспектах теоретическая значимость определяется 1) теоретическим описанием социальной семантической сферы, что позволит в дальнейшем представить социальную семантику как целостную систему и объяснить многие факты официально-делового языка и языка политики исходя из единой семантической модели; 2) систематизацией средств выражения сопричастности и контроля, что способствует выделению личной семантической сферы как большой области семантики русского языка; 3) обнаружением интенсивных связей между лингвосемантической и культурно-антропологической теорией, позволяющих привлекать широкий массив языковых данных к описанию феноменов русской культуры и этноспецифических форм поведения; 4) соединением семантического и прагматического анализа фактов языка, что способствует преодолению наблюдающегося в последнее время разрыва между изучением языка и речи.

Практическая значимость заключается в возможности использования понятий сопричастности, причастности и контроля в практике лингвистического анализа, а также в преподавании основных разделов курса современного русского языка. Результаты четвертой главы диссертационного исследования являются теоретическим обоснованием, а используемый в ней лексический и иллюстративный материал – материалом для идеографического словаря рефлексивной лексики русского языка. Кроме того, материалы и результаты исследования могут быть использованы в психологическом консультировании и проведении тренингов по развитию коммуникативных и социальных навыков.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Помимо деления языковых единиц на семантические классы необходимо деление на семантические сферы, внутри которых свойства единиц одного семантического класса различны. Это деление производится на двух независимых основаниях: 1) по степени наблюдаемости обозначаемых реалий; 2) по степени внутренней близости обозначаемой реалии к человеку.

Первое деление предполагает наличие трех сфер-областей: 1) физическая, или натуральная, сфера, реалии которой поддаются наблюдению со стороны человека; 2) психоментальная сфера, реалии которой неподвласт-

ны внешнему наблюдению; 3) социальная сфера, реалии которой имеют двойное существование: как натуральные объекты и как знаковые объекты, натуральная сторона которых представляет собой означающее социально-го знака.

Второе деление предполагает наличие также трех сфер-слоев, вложенных друг в друга: 1) эго-сфера человека, неотторжимая от него и отождествляемая человеком с ним самим; 2) личная сфера, включающая эго-сферу и реалии, с которыми он связан отношениями контроля/(со)причастности; 3) вещный мир человека, включающий эго-сферу и личную сферу, а также другие известные ему, осознаваемые им и входящие в его картину мира реалии.

2. Социальная семантическая сфера характеризуется «двомирием»: идеальный мир, характеризуемый статичностью и дискретностью, соседствует с динамичным индивидуализированным миром жизни, конкретно-историческим бытием человека (М.М. Бахтин), что предполагает неоднословность, аналитичность выражения населяющих эту сферу реалий: лиц, событий, качеств. В центре аналитического наименования помещается существительное, которое по своим семантическим и морфологическим свойствам предназначено для обозначения дискретных статичных реалий.

3. Личная семантическая сфера формируется двумя типами отношений человека и других реалий. Первый тип – контроль, устанавливающий референтное тождество участников психоментального (или речевого) события и сопряженного с ним объектного события (референтный контроль), а также активность участника события психоментальной сферы в объектном событии (агентивный контроль). Второй тип – сопричастность человека статическим реалиям и его причастность к динамическим реалиям. Контроль представляет собой иерархическое отношение, в котором доминирует субъект сознания, в то время как сопричастность / причастность не устанавливает иерархии или иерархически подчиняет субъекта сознания другой реалии. Наличие иерархии при контроле связывает личную сферу с социальной сферой, а эгоцентрический характер контроля формирует тенденцию к втягиванию контролируемых реалий в состав эго-сферы.

4. Референтный контроль и агентивный контроль относительно независимы друг от друга, однако это проявляется в высказываниях, в которых обнаруживается большая свобода автора в выражении отношений между обозначаемыми реалиями и определения их характера. В то же время анализ лексики, обозначающей психоментальные и речевые события и включающей семантику сопричастности/причастности или контроля (рефлексивной лексики), обнаруживает статистическую зависимость между наличием референтного контроля субъекта мысли, эмоции или речи над объектным событием и агентивным контролем над последним с его стороны. Это означает, что воспроизводимые в жизни общества, социально значимые рефлексивные ситуации с жестким референтным контролем связаны

также с агентивным контролем, что предполагает единство этих двух отношений.

5. Языковые средства, используемые для выражения контроля и сопричастности, как правило, служат выражению других значений, а контроль и сопричастность тяготеют к переносному употреблению этих языковых средств или смещаются на периферию их семантики. Это обусловлено внутренним, психоментальным характером отношений контроля и сопричастности, вследствие чего они моделируются по другим, видимым характеристикам или отношениям: размера, обладания, родства, свойства или соседства, совместности, роли лица или другой реалии в коммуникативной ситуации.

6. В русском языке существует семантический тип рефлексивной лексики. Рефлексивность представляет собой потенциальное отношение контроля, причастности или сопричастности, которое связывает участника (или участников) обозначаемого словом психического, мыслительного или коммуникативного события и участника (участников) ситуации, являющейся объектом этого события. Рефлексивность как семантико-синтаксическая характеристика лексемы или ее семантического варианта может реализоваться в пределах высказывания в виде кореферентности языковых выражений, входящих в модусную и диктумную части этого высказывания, осложненной разными актантами отношениями, или в виде пресуппозиции, в которую вводится один или оба участника события, прямо обозначаемого лексемой (ЛСВ). Рефлексивность охватывает все семантические типы слов «чувства-мысли-речи», выделяя в них подобласть лексики, демонстрирующей антропоцентризм информационной деятельности человека. В русском языке содержится около 2,5 тыс. рефлексивных лексем, что говорит о важности фиксации сопричастности и контроля в интеллектуальной, эмоциональной и психической деятельности человека, а также в его речи.

Результаты работы были **апробированы** на 16 международных, все-российских, региональных конференциях, конгрессах, симпозиумах и школах-семинарах в Москве (2000, 2001, 2007); Екатеринбурге (1995; 1998); Новосибирске (1997); Тамбове (1998); Красноярске (1995, 1997; 1998; 1999; 2000; 2001; 2003; 2006; 2007; 2008; 2009); Они также оформлены в 55 научных публикациях, в том числе монографии, 2-х коллективных монографиях, в одной из которых автор выступил научным редактором; статьях в научных сборниках, периодических изданиях и материалах научных конференций. По материалам исследования на факультете филологии и журналистики Красноярского государственного университета прочитаны спецкурсы «Социальная семантика и язык власти» (2002 год); «Личная сфера человека и проблемы референции» (2003 год); а также курс по выбору «Язык власти» на филологическом отделении в институте филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университе-

та (2011 год). Результаты исследования широко применяются в курсе «Современный русский язык: морфология» на отделении журналистики института филологии и языковой коммуникации СФУ. Подход к описанию языковой семантики, примененный в диссертационной работе, активно использовался в работе руководимого автором спецсеминара «Человек в языковой картине мира».

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка принятых сокращений и шести приложений, в которых представлены: краткое описание невербальных проявлений сопричастности, три тематических списка рефлексивных слов и таблица распределения рефлексивных лексем по разным актантным типам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены его цель, задачи, объект и предмет, обозначены подходы к исследованию, методы и приемы анализа, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, изложены положения, выносимые на защиту, охарактеризованы исследовательский материал и его источники, приведены данные о структуре исследования.

В **Главе I «Система семантических сфер русского языка. Социальная сфера»** изложена предлагаемая автором на основании обзора работ по лексической, словообразовательной и синтаксической семантике классификация семантических сфер русского языка, а также рассматриваются особенности выражения реалий социальной семантической сферы.

1.1. В современных семантических исследованиях наряду с понятием семантического класса используется понятие семантической сферы. Разное количество и состав семантических сфер были предложены Н.Д. Арутюновой, Г.И. Кустовой (2 семантические сферы); Т.В. Шмелевой, а также М.Н. Янценецкой и Н.Б. Лебедевой (4), Г.Н. Складневской, М.В. Всеволодовой (6). Особняком в этом ряду стоит классификация семантических сфер (в их терминологии – слоев) М.Н. Янценецкой и Н.Б. Лебедевой. В отличие от остальных исследователей, они предлагают различать не рядоположенные сферы, а концентрические «слои» с центром – человеком.

Вышеизложенное позволяет обнаружить два независимых деления на семантические сферы: «объективное», на основании способности независимого наблюдателя воспринимать реалии сферы, и «субъективное», по степени внутренней близости к субъекту чувства, мысли, оценки и речи – человеку.

Первое деление предполагает наличие трех семантических сфер-областей: наблюдаемой натуральной, ненаблюдаемой психоментальной и частично интерпретируемой социальной. В каждой из этих сфер реалии

одного и того же типа обладают общим набором характеристик, но при этом имеют специфику, определяемую свойствами семантической сферы.

Природная, или физическая, или натуральная, сфера включает натурфакты, артефакты, даже животных и лиц – вне их связи с познающим человеком и вне их воли по отношению к другим объектам, например, *камень, дом, планета*, – происходящие с ними наблюдаемые процессы (*упал, стоит, мчится по орбите*), их состояния и свойства (*большой, красивый, населенная*), а также многие другие классы реалий, например, пространственные объекты, отрезки времени, вещества – все то, что может быть обнаружено, выделено и описано с помощью органов чувств человека и изобретенных им инструментов.

Вторая сфера – внутренняя сфера лица (или животного), недоступная для наблюдения органолептически или с помощью приборов. Ненаблюдаемость феноменов психоментальной сферы подтверждается исследованиями метафорических обозначений ее реалий (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская, О.Н. Алешина (Лагута), Г.И. Кустова и др.).

Третья сфера – социальная, которая содержит в себе удвоенную действительность: натуральную и знаковую. Социальная сфера включает социальные взаимодействия и отношения человека.

Межчеловеческое взаимодействие в социальном аспекте есть коммуникация, которая имеет характер обмена знаками. Поэтому социальные объекты отличаются тем, что они всегда включают в себя знаковую составляющую, которая накладывается на «натуральное», «наблюдаемое» явление: процесс, состояние, предмет, лицо, свойство. Тем самым социальное явление приобретает двойственное существование. С одной стороны, в нем присутствует «натуральный», «физический», «наблюдаемый», «внешний» компонент, воспринимаемый как таковой органами чувств или приборами. С другой стороны, в социальном явлении обнаруживается означающее знакового компонента, восприятие которого есть восприятие знака, то есть означаемого, не совпадающего с означающим. Означаемое знакового компонента социального явления в восприятии накладывается на «натуральный» компонент, искажая его или полностью затмевая.

Особенностью физической и социальной сфер является то, что объекты одной сферы могут интерпретироваться как объекты другой сферы. Это связано с двойственной природой социальных объектов: «отключение» знаковой составляющей переводит объект в физическую сферу, а «подключение» знаковой составляющей, придание натуральному объекту знаковой функции вводит его в круг социальных объектов.

При втором членении можно говорить о независимом трехчленном делении мира также на три вложенных друг в друга семантические сферы: 1) эго-сферу человека, область мира, подвластную действующему и мыслящему субъекту; 2) личную сферу, область мира, с любым явлением которой человек устанавливает внутреннюю связь, родство; 3) вещный,

или референтный мир, часть которого безразлична действующему человеку, является для него просто миром вещей и явлений.

Особенности **эго-сферы** были описаны в неклассической логике и аналитической философии. Пионерские исследования в этом направлении были проведены Г.-Н. Кастаньедой, который показал, что самосознание человека выделяет в мире особую сферу – сферу самосознания (self-consciousness; в нашей терминологии – эго-сферу), которая оценивается как то, что не поддается внешнему наименованию, не разложимо на элементы, целостно и противопоставлено прочему миру, который может быть разложен на элементы и описан комбинацией элементарных смыслов. Идеи Г.-Н. Кастаньеды были развиты и продолжены Э. Энскомб, Дж. Перри, Д. Льюисом. Популяризатором его идей в этой области выступает Э. Сааринен.

Термин **личная сфера** введен в русистику Ю.Д. Апресяном (1986). Особенностью личной сферы является отношение сопричастности, которое связывает лицо – субъект самосознания с реалиями, которые образуют эту сферу. Природа сопричастности (В.С. Храковский и А.П. Володин), или партиципации (Л. Леви-Брюль), лежит в субъективности человека, в его стремлении к внутреннему, психоментальному присвоению части вещного мира, к ощущению близости с людьми, человеческими коллективами, предметами, пространственными объектами, даже событиями и качествами. Эта близость невидима, но она существует в психоментальной деятельности человека и проявляется в его физических и социальных действиях. Сопричастность может быть осложнена иерархическим отношением, «старшинством» субъекта сопричастности объекту, например матери по отношению к своему ребенку. Такая иерархизированная сопричастность представляет собой контроль.

В личную сферу, по Ю.Д. Апресяну, входит и сам человек. Это означает, что личная сфера поглощает эго-сферу.

Эго-сфере и личной сфере человека противопоставлена оставшаяся часть **референтного мира** человека, которая находится за пределами его «я» и его привязанностей-сопричастностей.

1.2. Организация и выражение социальной семантической сферы определяются особенностями картины мира, функционирующей в социально-политической и прежде всего официально-деловой коммуникативных сферах. Эта картина мира представляет собой двоемирие: динамичный и индивидуальный (конкретно-исторический) поток жизни противопоставлен «объективному» миру культуры (М.М. Бахтин), который дискретен и статичен: любая социальная ситуация представляет собой комбинацию фиксированных, существующих в номенклатуре, штатном расписании, идеальных форм: социальных статусов, организационных форм и т.п. Таким образом, в этой картине мира непосредственная реальная социальная жизнь представлена как воспроизводство, реализация идеального мира, в

котором все объекты, представляющие собой идеальные формы, уже существуют и описаны. Кроме того, такой мир внеличностен, поскольку конкретная действительность жизни вторична по отношению к идеальному миру форм.

Эта дихотомия коррелирует с противопоставлением «Запад – Восток», которое Ш. Балли определил как различие аналитизма / импрессионизма (Импрессионизм и грамматика (1920)). По Ш. Балли, аналитизм есть тенденция описывать явления мира с акцентом на их структуре, внутренней устроенности, а импрессионизм – это взгляд на мир, при котором явления описываются в их целостности, единстве. В доминирующих в Европе культурах: английской, французской, немецкой и русской – с запада на восток аналитизм ослабляется, а импрессионизм усиливается. Импрессионизм и аналитизм характеризуют и феномены «высокой» культуры: философию, религию, науку и искусство, – и базовые формы культуры, прежде всего язык.

В русском обществе и русском языке оппозиция аналитизма / импрессионизма из географической трансформируется в социально-иерархическую: официально-деловая и научная формы существования языка (по Р. Барту, энкратический язык, то есть язык господствующей социальной группы), характеризующиеся высокой степенью аналитизма, противопоставлены устно-разговорной импрессионистической форме (по Р. Барту, акратическому, оппозиционному власти, языку).

Аналитизм книжной разновидности языка заключается, согласно О.А. Лаптевой, в именном строе, при котором семантическим центром высказывания оказывается имя, в то время как в устно-разговорной разновидности господствует глагольный строй.

Специфическим способом номинации реалий социальной семантической сферы является раздельнооформленность, неоднословность. Такого рода аналитичностью характеризуются наименования и социальных лиц, и человеческих коллективов, и действий, и качеств.

Особую роль в обозначении социальных реалий играют имена социального статуса. В.И. Карасик определяет социальный статус как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения... Статус – это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка»². Ключевая роль статуса связана с особенностью функционирования обозначающего его имени, которое содержит в своей семантике потенциальность. В разных употреблениях эта потенциальность носит разный характер.

² Карасик В.И. Язык социального статуса / Ин-т языкознания РАН. Волгогр. пед. ин-т. М., 1992. С. 3.

В обобщенном или предикатном употреблении такое имя обозначает статус в чистом виде – типизированную функцию лица в идеальной структуре социума. Эта функция характеризуется набором идеальных действий и идеальным поведением, что позволяет именам статуса в сочетании с некоторыми глаголами обозначать **социальные** и иные **действия**, например: *Кто-то из моих сослуживцев решил поработать дипломатом и стал уговаривать армян пойти на мировую с азербайджанцами* (Виктор Баранец. Генштаб без тайн*). При употреблении в сочетании с качественными прилагательными имена статусов обозначают **социальные свойства**, например: *Я хороший журналист* (Ю. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус). Сочетание с оценочным или качественным прилагательным меняет характер потенциальности: значение возможности и обязанности совершать определенный круг действий сменяется значением способности совершать такие действия, что и является социальным качеством. Референтное употребление имени статуса служит для обозначения конкретных **лиц**, например: *Наконец один врач сказал мне «по секрету»: «У тебя, дорогая, всё в порядке»* («Даша», 2004*). Важную роль статусы играют также в модусе высказывания, образуя социальный компонент модуса (Т.В. Шмелева, см. также работы В.И. Карасика).

Роль статусов важна также потому, что они задают социальную иерархию, вертикальную стратификацию общества. Л.П. Крысин установил, что иерархическая сема должна присутствовать в толковании многих слов, обозначающих социальное поведение, например, *дерзить* или *благоволить*, и в актантной перспективе предложений, обозначающих отношения, даже внешне не социальные, например, *Сын похож на отца*, а не наоборот.

Социальная иерархия имеет два аспекта своей реализации: 1) социальное неравенство и социальное угнетение; 2) социальное управление.

Для социальной семантической сферы очень важно понятие о социальном действии и социальном восприятии, которые, в силу коммуникативной природы социальных реалий, являются единым целым. Социальные действия, как и социальные субъекты, тяготеют к расчлененному выражению: субстантивом обозначается одобренный социумом идеальный сценарий, а глагол выражает разные аспекты его осуществления: воспроизводство, фазу, операцию – динамический элемент действия, участие или причастность к нему лиц и других социальных субъектов и т.п., например: *провести собрание*.

Еще большим арсеналом средств выражения обладают социальные качества. Для их обозначения в языке существуют четыре синтаксические модели, определяемые частеречной принадлежностью и семантикой слова, доминирующего в конструкции. Таким словом может быть характеризующее существительное со значением лица (*добряк*), прилагательное (*добр*), существительное со значением отвлеченного качества (*доброта*) и

глагольная форма с потенциальным значением (*Он хорошо относится к людям*).

1.3. Особенностью человеческих коллективов с определенным статусом (сложных социальных субъектов) является их составной характер, что позволяет выделять в их составе лиц и более мелкие коллективы, которые также могут быть наделены статусом. Все это говорит о неприменимости к социальной сфере той модели референтных отношений, которая была заимствована лингвистикой из математики, логики и аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, У.О. Куайн, Дж.Р. Серл и др.). Кроме описанных в логике и позднее в семантике местоимений и теории анафоры кореферентности и некорреферентности существуют и сложные референтные отношения, представляющие разные виды пересечения множеств, образуемых социальными субъектами. Эти текстовые отношения реализуют разного рода социальные отношения, в том числе и иерархические.

Таким образом, сложность социальной организации мира человека отражается в номинативной и референтной сложности ее языковой модели.

В Главе II «**Личная сфера и формирующие ее отношения**» дано понятие о личной семантической сфере, определяющих ее отношениях, аналогичных понятиях, используемых в лингвистике и других гуманитарных науках, а также излагается история проблематики, связанной с личной сферой, в философии, культурной антропологии и лингвистике.

2.1. Понятие **личной сферы** в лингвистике связано с Московской семантической школой. В 1986 году Ю.Д. Апресян, описывая довольно разнородные факты лексики – предикатные слова со значением мысли и речи, а также грамматики – дейктические местоимения и актуализационные категории глагола и предложения, ввел в лингвистическое употребление понятие личной сферы, которая удобна для толкования этих лексем и определения инвариантного значения грамматических категорий.

Ю.Д. Апресян различает личную сферу говорящего и личную сферу героя. По его мнению, личную сферу говорящего образуют «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально»³. Личная сфера говорящего реализуется в употреблении личного местоимения *ты*; в использовании нового звательного падежа: *Маи, пап*; в употреблении форм инклюзива (местоимения *мы* или формы 1-го лица Множ. числа глагола в значении ‘говорящий + слушающий’) для обозначения только слушающего (псевдоинклюзива), например, в ситуации врачебного осмотра: *Ну как мы себя чувствуем?* Исключение человека из личной сферы говорящего выражается использованием прошедшего времени в контексте *Володя любил гулять в Летнем саду* по отношению к

³ Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и Грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 1986. Вып. 28. С. 28.

человеку, который сохраняет эту привычку и сейчас, но «выбыл» из личной сферы говорящего.

Понятие личной сферы героя в концепции Ю.Д. Апресяна аналогично понятию личной сферы говорящего, но связано не с прагматической ситуацией, а с денотативным аспектом языковых единиц, например, слов *гордиться*, *стыдиться* (и их производных), *комплимент* и *обида*.

В исследовании В.С. Храковского и А.П. Володина об императиве 1986 года использовано понятие **сопричастности** говорящего адресату речи, а в работе И.И. Ковтуновой о поэтическом дейксисе использовалось близкое понятие **дистанции** между автором поэтического произведения и его персонажами. Таким образом, проблематика личной сферы была инициирована исследованиями личного дейксиса.

Представители Московской семантической школы (например, М.Я. Гловинская, Н.Ф. Спиридонова) используют понятие личной сферы для описания семантики языковых единиц, прежде всего лексики.

2.2. В философии, культурной антропологии и социологии, а также в лингвистике существуют аналогичные или схожие понятия.

В традиции культурной антропологии в 1910 г. Л. Леви-Брюлем было введено и применено к этнографическому материалу понятие **партиципации** – сопричастности. В основе теории Л. Леви-Брюля лежит идея о неявной, неокончательной выделенности индивида из мира и социума в традиционных культурах. Индивид является как будто бы частью единого организма, целостности, связанный мистическими, но существующими в вещном мире, а не виртуально, умозрительно, связями с явлениями разных таксономических классов. С другой стороны, и внешние объекты являются частью этого не вполне отдельного индивида. Л. Леви-Брюль называет связь сопричастности интимной, фиксируя ее внутренний характер.

В посмертно опубликованных неоконченных записях «К философии поступка» М.М. Бахтина используются понятия, также имеющие непосредственное отношение к проблематике, которая в лингвистике связывается с личной сферой и сопричастностью. Эти понятия – **причастность**, **ответственность** и **участность**. Как ответственный характеризуется поступок – основное понятие исследования, участным называется мышление, а причастным – человек по отношению к своему бытию. В философской концепции М.М. Бахтина причастность и ответственность связаны с динамической моделью мира, с миром процессов и событий – с поступком в его философском (И. Кант) понимании. Как видим, в концепции М.М. Бахтина отражается динамическая модель внутренней связи человека с окружающим миром, в которой причастны, участны и ответственны процессы: человеческое сознание в его свершении должно быть причастно исторически действительному, то есть конкретному, бытию, которое образует поток жизни.

Таким образом, понятия причастности / сопричастности и ответственности характеризуют внутреннее, психоментальное, отношение субъекта, с одной стороны, к предметам и лицам вещного мира и, с другой стороны, к событиям и процессам. Статика и динамика характеризуют не только организацию социальной сферы, но и личное отношение человека к реалиям окружающего мира.

2.3. Личная сфера по-разному актуализируется в предметных (включая социально-объектные) и в информационных (психоментальных и социально-коммуникативных) действиях.

В предметных действиях актуализируется внешняя, натуральная сторона события. Интенциональные, эмоциональные и интеллектуальные аспекты события смещаются на семантическую периферию, в пресуппозиции, в модус высказывания, которые служат фоном для «объективной» стороны процессов. В действиях информационных актуальным оказывается психоментальный и коммуникативный компонент процессов, а натурально-событийная сторона приобретает синтаксически и семантически зависимый характер. При этом в предметных и информационных действиях нет симметрии: не всякое «внешнее» действие имеет «внутреннюю» составляющую и не всякое оперирование информацией предполагает реализацию информации, которой оперирует субъект, в виде события.

Надстраивание операции обработки информации над натуральным событием, с одной стороны, и «подстраивание» натурального события к информационной деятельности задают две разные перспективы в анализе: для предметных действий – от натурального аспекта к информационному, а для информационных действий – от информационного аспекта к натуральному.

Это означает, что понятие личной сферы по-разному описывается по отношению к этим двум типам действий.

В первом случае анализ предполагает установление наличия психоментальной или коммуникативной операции, связанной с находящимся в семантическом фокусе натуральным компонентом события.

Помещение объективно осуществляемого процесса и/или связанных с ним предметов во внутреннюю сферу человека есть то, что отличает осмысленное действие человека от его случайного воздействия на окружающий мир. В диссертации различаются два типа внутренней связи субъекта с процессом – контроль и причастность, образующие две субсферы. Контроль (Т.В. Булыгина, Г.И. Кустова, Т.В. Шмелева и Т.И. Стекова, И.Б. Шагуновский и др.) предполагает то, что субъект является инициатором события и / или прилагает усилия для его осуществления (агентивный субъект в терминологии О.Н. Селиверстовой) и / или контролирует результирующее состояние самого себя, объекта и инструмента. Это агентивный (**А-**) **контроль**, морфологическим выразителем которого в русском языке является Им. падеж в сочетании с действительным залогом глагола.

Причастность же фиксирует то, что лицо-субъект не контролирует процесс, но ощущает внутреннюю связь с ним, его значимость для себя, ср., например, безличность (А. Вежицкая, Ю.Н. Караулов, Е.С. Яковлева): *Он не работает vs. Ему не работается.*

Во втором случае анализу подвергается оперирование информацией о положении дел в мире. И тогда задача анализа заключается в установлении связи между субъектом информационной деятельности (основного события) и элементами положения дел, составляющего содержание информации (объектного события). Связь эта может реализоваться как участие в объектном событии (контроль) или как причастность к событию или сопричастность одному из его участников, что реализуется в актантной роли бенефициента. Такие информационные процессы, субъект которых присутствует в объектном событии или является его бенефициентом, в тексте диссертации определяются как рефлексивные, поскольку они, с одной стороны, представляют собой акт обыденной рефлексии, а с другой – аналогичны рефлексивности (возвратности), то есть кореферентности в пределах пропозиции и/или предикативной единицы, отличаясь от нее тем, что представляют полипрозитивную и/или полипредикативную кореферентность.

Эго-сфера характеризует такие рефлексивные процессы, объектное событие которых связано с одним из участников основного события непосредственно и поэтому контролируется этим участником. Примером может выступить глагол *намереваться*, в объектном событии которого участвует субъект намерения. В этом контексте понятие контроля и контролера анафоры, активно используемое в лингвистической литературе (Е.В. Падучева, Я.Г. Тестелец, А.А. Кибрик и др.), приобретает в высказываниях, обозначающих рефлексивные процессы, статус не метафорического обозначения антецедента анафорического местоимения, а полноценного буквального обозначения денотативной ситуации: при реализации рефлексивности в эго-сфере субъект или адресат события внутренней или знаковой деятельности контролирует объектное событие, поскольку выступает его участником. В высказывании это свойство актуализируется в виде кореферентности субъекта или адресата семантически главной (модусной) части с заместителем одной из актантных позиций в зависимой (диктумной) части, например: *Петров комически возмутился, грозил, что Ø найдет на Германа управу* (Л. Левин. Дни нашей жизни; кореферентны субъекты главной и зависимой частей). Это референтный (Р-) контроль).

Выделяемая в пределах личной сферы субсфера **сопричастности** характеризует рефлексивные процессы, участники которых осознают внутреннюю связь с участниками объектного события. В высказывании это отношение реализуется как помещение субъекта (или адресата) модусной части в пресуппозицию диктумной части, например: *Тамара (по случаю воскресенья) попросила Ø 'меня' остаться в «Южном»* (Известия). Со-

причастность субъекта просьбы и места реализована в пресуппозиции 'Тамара находится в «Южном»', и реализуется на уровне высказывания в актантной роли бенефицианта объектного события.

Итак, можно говорить о единой модели по отношению к деятельности человека вообще: как специфической – внутренней и знаковой, – так и «физической», предметной. Процессы и объекты, связанные с человеком, отличаются от природных тем, что помещаются им во внутреннюю сферу посредством связи (со)причастности. Эта внутренняя связь может быть слабой – собственно (со)причастность с неохарактеризованными иерархическими отношениями, а может быть сильной – Р-контроль с зависимостью объекта от субъекта.

Рефлективная ситуация представляет собой точку, в которой не только сходятся натурально-предметная и психоментально-коммуникативная стороны деятельности человека, но и отражена внутренняя связь причастности / агентивности и сопричастности / рефлективности. Поэтому высказывания, обозначающие рефлективные события, являются готовым «полигоном» для изучения того, как взаимодействуют эти две разновидности отношений, образующих личную сферу.

Основная проблема взаимодействия агентивности и рефлективности заключается в том, что А-контроль предполагает ментальное, эмоциональное и волевое участие в событии наличествующего субъекта предметной деятельности, что ограничивает актантное значение для контролирующего лица ролью субъекта-агенса, например: *Буду ходатайствовать* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); форма 1 лица Ед. числа глагола в данном высказывании предполагает агентивность субъекта в объектном событии. Р-контроль предполагает любую роль в объектном событии для субъекта ментального или волевого акта, важно только тождество участников обоих событий, например: *Открыто или завуалированно ЖЕНЩИНЫ дают нам понять, что мы значим для НИХ больше, чем просто коллеги* (Культура. Спорт. Отдых. 1991). Образуется асимметрия агентивности и рефлективности: в части высказывания, обозначающей объектное событие, А-контроль маркирует агенс, а Р-контроль – любого непосредственного участника. Соответственно, причастность / участие маркирует все актанты, кроме агенса, включая бенефицианта, а сопричастность – только бенефицианта. Между обобщенным контролем и обобщенной (со)причастностью обнаруживается подвижная граница: это актантные значения неагентивного субъекта и неосновных непосредственных участников ситуации, таких как пациент, адресат и т.п. Таким образом, при психоментальной или коммуникативной активности контролирующим (и агентивно, и референтно) является субъект, а (со)причастным – бенефициант предметного события.

Однако при лексическом выражении рефлективных событий возникает ограничение на актантное значение в объектном событии, которое сводится к следующему.

Если рефлексивная лексема обозначает Р-контроль, то, как правило, она обозначает и А-контроль. Так, глагол *попросить* задает агентивную роль для адресата основного события в объектном событии, ср., например: – Антон, я все-таки **попрошу** тебя отнестись серьезнее к сложившемуся положению (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *Чередниченко дал служителю еще рубль, **попросил**, чтобы он узнал у администратора адрес Евы* (В. Шукшин. Чередниченко и цирк). Однако контроль может не реализоваться в виде непосредственного участия в объектном событии, ср. приведенное высказывание и высказывание с тем же предикатом: *Александр Васильевич, я убедительно вас **попрошу**, чтобы ваши доверенные лица вежливо со мной разговаривали!* – *вскрикивает секретарь* (Вечерняя Казань. 2004). Однако в последнем высказывании адресат выступает агентом-инициатором (термин Ю.С. Степанова и Г.В. Проскурина) и в этой роли перемещается в пресуппозицию высказывания.

Если лексема обозначает не Р-контроль, а сопричастность субъекта основного события элементам объектного события, то в последнем он обычно принимает любые роли, кроме роли агенса, ср., например, глагол *подозревать* в следующих употреблениях: а) *Помочь же сейчас ей может только Лева, который и не **подозревает**, как она, Наташа, к нему относится* (Н. Леонов. Явка с повинной); б) *<В коридор вошли молодые наездники.> Лева и не **подозревал**, что они уже на конюшне* (там же). В высказывании (а) субъект подозрения выступает в придаточной части в пассивной роли объекта (делибератива), а в высказывании (б) он выступает бенефициентом объектного события, то есть реализуется бенефициентность: главному герою произведения, ухаживающему за начальницей молодых наездников, не нужны заинтересованные свидетели столь явного ухаживания на ее рабочем месте.

Если же выраженный лексемой предикат широко ориентируется на личную сферу субъекта основного события, то зафиксировать актантное значение оказывается вообще невозможным, ср. использование глагола *хотеть*, например: ***Хочешь**, чтобы тебя (объект) уважали и любили...* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно*); ***Хотел** деликатность проявить (субъект); Почему он не **хочет**, чтобы она (субъект) уходила из отдела?* (А. Маринина. Мужские игры); *Я не **хочу** / чтобы этот амбал к тебе (объект) приставал* («Дом-2», ТНТ (2005)*). И при выраженном в высказывании Р-контроле (кореферентности), и при его сопричастности с участником объектного события маркированный отношением участник объектного события может принимать разные актантные значения.

Сплошная выборка слов, обозначающих рефлексивную деятельность, из МАС показала, что наиболее часто встречаются лексемы, обозначающие Р-контроль в сочетании с А-контролем, такие, как глагол *подумать*, а также слова, широко ориентированные на личную сферу субъекта

(Р-контроль или сопричастность) с неохарактеризованным актантным значением в объектном событии, такие, как *хотеть*.

Таким образом, по отношению к рефлексивной предикатной лексике оппозиция Р-контроль / сопричастность коррелирует с оппозицией А-контроль / причастность. Р-контроль, теоретически допускающий разнообразие актантных ролей в объектном событии, тем не менее почти неизбежно порождает агентивность. А более свободная ориентация рефлексивного события на личную сферу субъекта связана с неохарактеризованностью актантной роли субъекта основного события в объектном событии.

2.4. А.Д. Васильев (1999) на примере выражения *контролировать ситуацию и ситуация под контролем (контроль за ситуацией)* показал различие между значением *контролировать / контроль* советского периода ('проверять / проверка') и значением, заимствованным из английского языка и развивающимся в настоящий период ('управлять, доминировать'). Однако и в том, и в другом значении контролирующий субъект иерархически оказывается выше исполняющего субъекта. Контроль и контролируемость представляют собой соединение (со)причастности с иерархическим отношением, личного – с социальным.

Лингвистическое употребление лексического комплекса *контроль / контролировать* восходит к англоязычной традиции, то есть включает семантические компоненты 'управлять, доминировать'.

Понятие контроля в наибольшей степени значимо для социальной сферы, в которой широко представлены сложные социальные субъекты и сложные социальные ситуации, прежде всего действия. Функция контроля – управления ситуацией принадлежит агенту-инициатору (Ю.С. Степанов и Г.В. Проскурин). Контроль как управление предполагает наличие ответственности, принятие решения, оперативное управление, то есть установление соответствия происходящих процессов (операций) общей цели, оценку результата и др.

Понятие контроля представляет собой, таким образом, своеобразную интервенцию социальной сферы в другие семантические сферы. Иерархия участников события моделируется по образцу социальной иерархии. Однако есть еще один аспект, определяемый наличием психики, сознания и самосознания человека, участвующего в событии. Человек видит контролируемое событие как продолжение собственного «я», распространяя на событие сферу своего самосознания. Однако не только события, но и иерархически зависимые лица и предметы становятся объектами контроля и мыслятся как некое расширение эго-сферы человека. Приведем примеры, которые кажутся оговорками, однако показывают смещение границ эго-сферы: *У меня есть мечта сыграть короля Лира в исполнении С. Никоненко* (В. Абдрашитов. ТВЦ, 2006); *Как этого добиться, не имея у них ответственности?* (мама о дочери-школьнице на родительском собрании. Красноярск, 1998). В этих высказываниях обнаруживается наличие двух

субъектов: контролирующего и исполняющего. Однако построены они таким образом, что контролирующий субъект приписывает себе в первом случае действие исполнителя, а во втором качество. При этом исполняющий субъект тоже сохраняет субъектную позицию, но неприоритетную. Таким образом, автор высказывания в обоих случаях расширяет свое самосознание до социально подчиненного лица: в первом случае режиссер по отношению к актеру, во втором случае мать по отношению к ее ребенку.

Следовательно, можно говорить о полевом характере разделения эго-сферы и субсферы сопричастности в составе личной сферы. Граница между ними оказывается довольно широкой и занимает субсферу контроля.

В плане логическом важен вопрос о том, что же первично в социальной сфере: иерархия, статическое отношение, или динамический контроль. Деятельная сторона человеческого общества предполагает распределение динамических элементов коллективных действий – операций. Необходима координация усилий разных участников события, управление. Управление и есть динамический социальный контроль, который обеспечивает взаимодействие членов коллектива в достижении цели действия. Контролирующий субъект – ситуативная роль. Однако статичность идеального «мира» социальной сферы предполагает воспроизводимость функции контроля, которая закрепляется в социальной иерархии. Иерархия переводит контроль из ситуативной и динамической характеристики в потенциальную и статическую. Таким образом, иерархия есть способ типизации контроля, перевода его из реальности жизни в идеальный «объективный», по М.М. Бахтину, мир.

В Главе III «Личная сфера, сопричастность и контроль в языковом выражении» описаны основные языковые средства выражения сопричастности и контроля.

3.1. Сопричастность и контроль могут выражаться прямо, например, словами *дружить, любить, близкий*, а также словами со значением каузации сопричастности, например, *очаровать, привлечь*. Однако чаще семантика личной сферы находится на периферии значения языковых единиц, в пресуппозиции или выражается путем семантического переноса.

Перенос значения, связанный с выражением сопричастности, может быть аналогичен или метафоре, или синекдохе, частному случаю метонимии. С одной стороны, сопричастность как «невидимая» связь в выражении уподобляется более явным связям, и языковые средства, выражающие эти связи, «в переносном значении» употребляются для выражения сопричастности. С другой стороны, сопричастность как отношение объединяет в целое субъекта и объект сопричастности, что позволяет использовать наименование целого вместо одного из участников отношения либо, наоборот, наименование участника отношения вместо образуемого этим отношением целого.

Первый механизм представлен транспозициями лица, приводящими к изменению коммуникативной роли объекта, к которому автор (или носитель точки зрения) испытывает сопричастность, например, использование позиции лирического адресата (И.И. Ковтунова): *Свобода! он одной тебя* / *Еще искал в пустынном мире* (пример И.И. Ковтуновой). Такой перевод объекта в позицию поэтического адресата (во 2 лицо) является приемом, выражающим сопричастность автора объекту.

Второй механизм представлен транспозициями типа псевдоинклюзива (*мы* сопричастное), в частности, *мы* учительское, например: *А теперь запишите домашнее задание. Записываем* (учитель. Разговорная речь Красноярска. 2001). Особенность псевдоинклюзива заключается в смещении из отношения включения говорящего и слушающего в одно целое (инклюзивное значение форм 1 лица Множ. числа глагола) в отношении сопричастности. Такой перенос аналогичен синекдохе, при которой часть целого именуется наименованием этого целого.

Таким образом, можно говорить, наряду с **актуализацией** сопричастности, когда отношение того или иного вида прямо выражается в высказывании / тексте, и о **транспозиции** сопричастности, когда неспецифицированная сопричастность или сопричастность одного вида выражается средствами, предназначенными для выражения сопричастности другого вида.

3.2. С выражением сопричастности связаны:

1) **реляционные существительные** (термин Н.Д. Арутюновой), которые имеют обязательную семантическую и синтаксическую валентность посессора, указывающую на то, с кем они вступают в объективное отношение родства и свойства (*дочь, кум, отец*), пространственной соположенности (*земляк, сосед, соотечественник*), профессиональной общности (*коллега, однокашник*), эмоциональной близости (*друг, товарищ, любимая*) к другому лицу. Одновременно они могут выражать и часто выражают сопричастность, особенно при обращении и прежде всего в случае семантического переноса – в небуквальном употреблении: – *Я тебе одну историю расскажу, – негромко стал рассказывать мой дед. – Ты вот не воевал – не знаешь, как там было... Там, брат... похуже дела были* (В. Шукшин. Горе). Система **личных имен человека** также организована, чтобы выражать тонкие оттенки социальных и личных отношений, прежде всего сопричастность: *Елена Сергеевна, Елена, Лена, Леночка, Ленуся* и т.п.;

2) предикатная лексика со значением **содействия**, у которой значение сопричастности находится на периферии семантики, например: *А тот (Волошин), в свою очередь, помог Шувалову стать президентским помощником и возглавить рабочую группу, занявшуюся разработкой предложений по экономической политике на путинский второй срок* (Совершенно секретно. 2003*);

3) **диминутивы** (Н.Ф Спиридонова), выражающие оценку и сопричастность путем переноса из семантики размера ‘маленький’ → ‘сопричаст-

ный говорящему'. Использование диминутива характеризует разговорную речь (Э.А. Столярова, Т.Л. Козловская). Большое количество диминутивных форм личных имен отмечено и объяснено А. Вежбицкой;

4) лексические и грамматические средства выражения **посессивности** (Вяч.Вс. Иванов), например, притяжательные местоимения (ср. «*Мой Пушкин*» М. Цветаевой).

Другие языковые категории устроены таким образом, что в них противопоставленные средства выражают значения контроля / самосознания и (со)причастности оппозитивно. Так, эксплицитно выраженная **оценка** содержит в общем случае семантику сопричастности, однако предложения **операционального предпочтения** (*Лучше пусть книжка побудет у меня*; термин Н.Д. Арутюновой) выражают контроль над ситуацией.

3.3. За выражение контроля / причастности / неконтролируемости **действий и других процессов** отвечают практически все основные категории глагола, причем выражение этих значений является комплексным: вид взаимодействует с залогом, а тот, в свою очередь, взаимодействует с лицом. Кроме того, в выражение контроля и причастности втягиваются категории других частей речи, в частности, падеж и число существительного как категории, связанные с обозначением субъекта.

Поэтому для описания личной сферы применительно к действию удобнее не анализировать категории по отдельности, а определить формы глагола и образуемые их валентностями конструкции, которые в комплексе выражают контроль / (со)причастность / участие:

1) **активная** конструкция (*Я пишу письмо / Я написал письмо*), с учетом ограничения на лексему предиката, выражает контроль субъекта над процессной стороной события. При этом контроль может быть представлен как агентивность, то есть прикладывание усилий для достижения результата, и как социальный контроль, то есть несовпадение агенс-инициатора и агенс-исполнителя (Ю.С. Степанов и Г.В. Проскурин), ср., например: *Император бросил непокорного сенатора Юлия Сабиния в мрачное подземелье* (Земля Боготольская). Император не был исполнителем действия, но сделано это было по его приказу, то есть император выступил инициатором события, поэтому в высказывании допустима для его наименования позиция N₁. Таким образом, контроль не обязательно связан с непосредственной реализацией действия, и это обнаруживается именно в активной конструкции;

2) **возвратно-безличная** конструкция (*Мне не пишется*), описанная Т.В. Булыгиной, определяется ею как полуконтролируемая, что означает реализацию в этой конструкции не модели контроля, а модели причастности субъекта к процессу;

3) **пассивная** конструкция с глаголом совершенного вида (*Магазин открыт*) демонстрирует отсутствие контроля над результурующим состоянием объекта со стороны субъекта действия. Связано это с историей

русского перфекта. Древний перфект с утратой аористой и имперфектной форм приобрел значение аориста / имперфекта, а перфектные грамматические приметы и перфектное значение в качестве основного сохранили только формы причастий и деепричастий (Ю.С. Маслов), из которых в функции предиката могут выступать только краткие страдательные причастия, сохраняющие перфектность в случае, если они употребляются без заполнения валентности на Тв. падеж субъекта. В противном случае пассивная конструкция приобретает фактическое (аористное) значение, например: *Магазин открыт продавцом*. Таким образом, результирующее состояние объекта не выражается в сочетании с обозначением субъекта;

4) **инфинитивная** конструкция (*Встать!*, *Мне работать всю ночь*, *Вам нужно отдохнуть*, *Нам приказали копать*, *Родители думают, как мне быть*) обладает важным конституирующим свойством – наличием двух семантических субъектных позиций (Т.В. Шмелева): для исполняющего субъекта (при инфинитиве; реализуется в синтаксической позиции для Дат. падежа) и для контролирующего субъекта (при основном предикате, если он наличествует, или с отсутствующей синтаксической позицией). Позиция Дат. падежа при инфинитиве может блокироваться, если инфинитив прямо зависит от основного предиката, например, *Я хочу спать*. Контролирующий и исполняющий субъект могут быть кореферентны, и тогда наблюдается моносубъектность (М.И. Черемисина, А.П. Леонтьев), а могут быть некорреферентны. Во втором случае контролирующий субъект сопричастен исполняющему или входит с ним в сложные референтные отношения, например: *МЫ С ОТЦОМ вообще долго решали, как ему с тобой быть* (А. Архангельский. Послание к Тимофею*).

3.4. Наибольшей дифференцированностью в выражении личной сферы характеризуется **личный дейксис** (Ю.Д. Апресян, В.С. Храковский и А.П. Володин, И.И. Ковтунова, В.В. Химик и др.). Личные местоимения и личные формы глагола выражают включение в личную сферу и вывод из нее путем транспозиций. Можно сказать, что коммуникативная (прагматическая) ситуация представляет собой своеобразную модель мира. В этой модели говорящий, автор высказывания, оказывается в «центре вселенной», слушающий, коммуникативный партнер, входит в его коммуникативное окружение, является ближайшим объектом коммуникативной действительности. В эту коммуникативную действительность входят другие лица и не лица, не участники коммуникации, находящиеся за пределами коммуникативного окружения. Маркируют эти три позиции 1-е, 2-е и 3-е лицо. Эта модель хорошо накладывается на систему антропоцентрических сфер-слоев: 1 лицо – эго-сфера, 2 лицо – субсфера сопричастности, 3 лицо за пределами личной сферы. С учетом наличия множественного числа цепочка переносных значений может быть представлена следующим образом: 1 Ед. (эго-сфера) – 1 Множ. (промежуточная субсфера контроля) – 2 Ед. (личная сфера) – 2 Множ. – 3 Ед. – 3 Множ. (объектный мир).

3.5. Аналогичными свойствами обладает и «превращенный» дейксис, реализация эго-сферы и личной сферы героя в высказывании и тексте, которая характеризуется следующими свойствами:

1) самосознание (эго-сфера) героя выражается с помощью перемещения точки отсчета дейктических категорий с прагматической ситуации на ситуацию «чувства-мысли-речи» героя, например, в прямой речи или свободном косвенном дискурсе (Б.А. Успенский, Е.В. Падучева и др.), например: *Осип. Трактирщик сказал, что не дам Вам есть, пока не заплатите за прежнее* (Гоголь. Ревизор; пример Б.А. Успенского);

2) употребление анафорических средств (местоимений и синтаксического нуля) перестает следовать линейному принципу и следует принципу отсылки из диктумной части высказывания в модусную независимо от их линейного положения (Е.В. Падучева, на примере других языков Н. Хомский, Г.-Н. Кастаньеда, С. Куно), например: *О том, что ему работать, Петр узнал вечером;*

3) Этому же принципу следует выражение сложных референтных отношений сужения, расширения и слияния, при условии, что в референтных отношениях участвуют участники ситуации «чувства-мысли-речи», например: *САНЯ широко улыбнулся и радостно сообщил Ø 'экипажу', что через двадцать минут Ø 'Сани и экипажа' полк выступает, что наконец-то ОНИ 'Саня и экипаж' выберутся из этого проклятого леса* (В. Курочкин. На войне как на войне).

Описанные в этой главе категории могут взаимодействовать в выражении (со)причастности / контроля. Такое взаимодействие может быть регулярным. В разговорной речи, особенно в ситуациях, где включение адресата в личную сферу говорящего является необходимым атрибутом коммуникации, могут использоваться комбинации средств выражения сопричастности. Ср., например, высказывание кондуктора автобуса: *Мужчина с рюкзачком, посторонимся мне сюда* (кондуктор автобуса. Красноярск. 2004). В этой фразе употреблены сразу три средства выражения сопричастности/контроля: диминутив *рюкзачок*, псевдоинклюзив *посторонимся* и местоимение 1 лица в Дат. падеже со значением бенефициента *мне*.

Глава IV «Рефлексивная лексика русского языка и личная сфера» посвящена анализу рефлексивной лексики, которая в системе своих валентностей реализует отношения сопричастности и контроля, образующие личную сферу.

4.1. Рефлексивная лексика обозначает рефлексивную ситуацию, то есть ситуацию оперирования информацией о субъекте или адресате этой ситуации и/или о каких-либо реалиях / событиях, связанных с ним. Выборка рефлексивных лексем из МАС составила около 2,5 тыс. единиц.

В качестве семантической модели для описания семантики рефлексивности использовалась пропозитивная модель (Т.В. Шмелева), в которой всякая элементарная ситуация или положение дел представляет собой

пропозицию, образуемую предикатом, моделирующим динамические характеристики события (Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова и др.) и определяющим иерархию участников события, а также набором актантов, в разных традициях разным (Г.А. Золотова, В.В. Богданов, Т.В. Шмелева и др.), и сирконстантами: локативом (место) и темпоративом (время) (Л. Теньер, Т.В. Шмелева и др.).

Рефлексивность как отношение лица к другим реалиям связана с актантными ролями, приписываемыми лицу. Значимыми для исследования являются субъект, агентивный и неагентивный, объект, адресат. Существенна также роль бенефицианта, актанта для лица или сложного социального объекта, в пользу (или вред) которого осуществляется событие, например: *Я это делаю для тебя*. При обозначении рефлексивных ситуаций сопричастность можно выразить как исполнение субъектом основного события роли бенефицианта в объектном событии, например: *По опыту знаю, что если автобус застрял в такой пробке и быстрее бывает дойти, тогда стучишься к водителю и **просишь** открыть дверь* (чтобы ты мог выйти. – И.К.; «Даша», 2004*).

Для рефлексивной лексики наиболее важной характеристикой является актантный вид, то есть актантная структура обозначаемой такой лексемой пропозиции. Однако рефлексивные слова обозначают бипропозитивную семантическую структуру, соответствующую двухсобытийности рефлексивной ситуации. Пропозиции называются аналогично событиям, образующим рефлексивную ситуацию: основная пропозиция, непосредственно обозначаемая лексемой, и объектная пропозиция, которая является объектом (делиберативом) основной пропозиции.

Актантная структура основной пропозиции известна и представляет собой семантические валентности рефлексивной лексемы, а объектная пропозиция потенциально неизвестна и выражается уже в высказывании, в актуализированном употреблении лексемы. Исключения составляют слова, у которых информация об объектном событии инкорпорирована в предикат, например: *Уж не знаю, как они там собираются определять, насколько я голодна* ‘хочу, чтобы я ела’ (Запись LiveJournal (2004)*).

Тем не менее некоторую косвенную информацию об актантах объектной пропозиции, вступающих в отношение с актантами основной пропозиции, лексема предиката может отражать.

Во-первых, можно установить потенциальное референтное отношение. Потенциальность отношения выражается в том, что устанавливается не кореферентность, сложные референтные отношения или некорреферентность, как в высказывании, а ориентация на одну из семантических сфер-слоев, что задает круг реалий, имеющих возможность вступить в актантное отношение. Ориентация на эго-сферу способна разворачиваться в тексте в отношении кореферентности. Ориентация на субсферу (со)причастности реализуется в высказывании как бенефициентность, ко-

торая представляет собой кореферентность, но невыраженную: субъект сопричастности является элементом пресуппозиции объектной части высказывания. Соответственно, различаются три типа рефлексивных предикатов:

1) Предикаты, ориентированные только на эго-сферу, что определяет кореферентность в ассертивном компоненте значения слова (Р-контроль), ср., например, *каяться* 1. 'Сознавая (основная пропозиция. – И.К.) СВОЮ вину или ошибку (объектная пропозиция), испытывать сожаление (основная пропозиция) (о СВОЕЙ вине – объектная пропозиция)' (МАС).

2) Предикаты, ориентированные только на субсферу ((со)причастности, которые имеют кореферентность в пресуппозитивном компоненте значения, что задает бенефициентность героя в объектном событии ((со)причастность), например, *прознать, проведать* 'узнать (основная пропозиция) нечто (объектная пропозиция) полезное ДЛЯ СЕБЯ'.

3) Предикаты, ориентированные на личную сферу, которые организуют в высказывании кореферентность или помещают субъекта отношения в пресуппозицию объектной части, ср., например, *просить*, который обозначает событие с двумя участниками-лицами (актанты – субъект и адресат), при этом адресатная рефлексивность направлена на эго-сферу, а субъектная – на личную сферу, ср., например: *ИГОРЯХА это помнит, потому что очень просил, чтобы ЕГО взяли* (Л.Розанова. Игоряха) с кореферентностью субъекта и объекта и *Сразу после утреннего разговора с Мишей Доценко НАСТЯ позвонила КОРОТКОВУ и попросила проверить Парыгина по месту жительства* ('в интересах Насти'; А. Маринина. Мужские игры) с кореферентностью с элементом пресуппозиции высказывания.

Во-вторых, можно установить потенциальную агентивность или неагентивность участника объектного события, то есть наличие с его стороны А-контроля объектного события или причастности к нему. Агентивность участника события предполагает наличие у него роли агенса. Причастность предполагает наличие других актантных ролей: пациенса, адресата и других нецентральных актантов, включая бенефициента. Так, глагол *просить* задает активную роль для адресата основной пропозиции, ср., например: *Разумеется, меня стали просить рассказать что-нибудь еще* (С. Лукьяненко. Дневной дозор). Причастность субъекта основной пропозиции к объектному событию задается, например, лексемой *сердиться*, например: *Глупо сердиться, что ТЕБЕ всучили вместо пачки баксов «куклу»* (<http://old.ogoniok.com>); в приведенном высказывании причастность реализуется в роли адресата. Причастность может реализоваться и в роли субъекта, но неагентивного, ср., например: *Так стоит ли сердиться, что приходится слишком долго ждать автобуса, троллейбуса или трамвая?* (В. Шахиджян. Маленькие радости).

Неагентивный субъект занимает промежуточное положение в аспекте агентивности / неагентивности. Высказывание с ним может реализовать и агентивное (активное), и неагентивное (пассивное) отношение.

Таким образом, актантный тип лексемы определяется тем, какой (какие) из актантов основной пропозиции входит (входят) в актантное отношение, на какую сферу-слой ориентировано основное событие, агентивен или неагентивен участник объектного события.

Для компактности описания каждый из параметров актантного типа обозначен символами:

1) на первом месте отмечается актант (актанты), соответствующий (-ие) участнику основного события, с которым связано рефлексивное отношение: субъект – С; адресат – А; субъект и адресат: С / А), ср. *намереваться* С; *приказать* С / А. Если отношений больше одного, то каждое новое отношение отделяется знаком / (слэш);

2) вводится информация о сфере: Э (эго-сфера), П (сфера (со)причастности), Л (личная сфера): *намереваться* СЭ; *приказать* СЛ / АЭ;

3) отмечается информация об агентивном потенциале лексемы в объектной пропозиции: агентивности (А), причастности (П) и неохарактеризованности (Н) поведения участника в объектном событии, см. те же самые лексемы: *намереваться* СЭА; *приказать* СЛН / АЭА.

Первый знак (актантный тип) характеризует участника основного события, а два последних (сфера и активность) – участника объектного события.

Таким образом, оказывается всего 18 возможных комбинаций параметров, то есть актантных видов: 2 [актанта основной пропозиции] x 3 [сферы] x 3 [значения агентивного потенциала], из них реализовано одиннадцать.

Наиболее часто встречаются актантные соотношения СЛН и СЭА: Р-контроль (ориентация на эго-сферу) коррелирует с А-контролем, чему соответствует соотношение СЭА (а в адресатном типе – АЭА), а его необязательное присутствие (ориентация на личную сферу) связано с неохарактеризованностью по агентивности, соответственно, реализуемой в соотношении СЛН (и АЛН в адресатном типе). Вот основные актантные виды:

1) *СЭА*. Глагол *намереваться* обозначает рефлексивную ситуацию, в которой в рефлексивное отношение может вступить только один участник основного события (психоментальная ситуация), он выполняет актантную роль субъекта, отношение ориентировано на его эго-сферу (Р-контроль), участник отношения в объектном событии агентивен, то есть должен выступать в роли агенса и/или субъекта; этот глагол имеет актантное соотношение СЭА, например: *В дальнейшем компания **намеревается** расши-*

рять производство джинсов, а также начать продажи «антивозрастных» футболок (100% здоровья, 2003*).

2) **СЛН**. Глагол *мечтать* обозначает психоментальное событие, объектное событие которого находится в личной сфере субъекта, при этом последний в объектном событии может оказаться в любой актантной роли или даже оказаться за пределами события, то есть бенефициентом (вид СЛН), например: *Мечтаю пойти работать в море и найти там настоящую любовь* (Рыбак Приморья, 2003*); *Если... вы мечтаете, чтобы каждый прохожий мог беспрепятственно любоваться творением ваших рук... то эти идеи как раз для вас!* (Сад своими руками, 2003*).

Гораздо реже встречаются другие актантные соотношения:

3) **СЛА**: *свободолюбивый*. Ср. толкование в МАС: ‘любовь к свободе (во 2 знач. ‘отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-л(ибо). класса или общества в целом’), стремление к ней, борьба за нее’. Согласно МАС, объектное событие и роль в нем участника отношения определены: событие – свобода, участник – субъект. Однако этот свободный субъект не обязательно тождествен субъекту свободолюбия, но входит в его личную сферу, что соответствует актантному виду СЛА;

3) **СПА**: *доверие*. Доверие обращено к другому лицу и предполагает его активную деятельность – тип СПА, например: *Суслов будет верным слугой народа и оправдает доверие избирателей* (Сталинское знамя, 1951*);

4) **СПП**: *скорбеть*. Скорбь – глубокое переживание, обычно связанное со смертью. Поэтому субъект скорби не может быть ее объектом, что означает ориентацию предиката на сферу сопричастности. Субъект смерти неагентивен, поэтому оцениваем его роль как пассивную (причастность), например: *Администрация Губернатора Калужской области, Законодательное Собрание Калужской области *** Родные и близкие скорбят по поводу кончины СЕРГЕЕВА Григория Ивановича* (Некролог // Весть, 2002*);

5) **СПН**: *прознать*. В семантику глагола входит устойчивая бенефициентность субъекта знания по отношению к объектному событию (актантный вид – СПН), ср, например: *...Вскоре более практично мысливший Артур прознал, что рыбу на переменчивом карьере ловят не на червя, а на распаренные хлопья геркулеса, о которых в Колониных колдовских книгах ничего не сообщалось* (А. Варламов. Купавна*);

6) **СЭН**: *охладеть* ‘...потерять интерес, утратить силу чувства, стать равнодушным к кому-, чему-л.’ (МАС). *Охладеть* не фиксирует в своей семантике роль субъекта в объектном событии, но зато определяет его обязательное участие, ср., например: *И вообще, казалось, что московская публика охладела к зрелищам* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий*). Охладеть можно только к тому, что непосредственно связано с субъектом ох-

лаждения (СЭ-тип), однако не предполагает обязательной его активности (Н-вид);

7) **СЭП**: *тщеславие* ‘стремление к славе, почестям, почитанию’ (МАС). Тщеславие предполагает узкий круг объектных событий, в которых субъект основного события занимает позицию делибератива.

Адресатный актантный тип представлен следующими разновидностями:

8) **АЭА**: *отговорить* ‘убедить не делать чего-л(ибо)’. Глагол обозначает императивное речевое действие, которое в качестве объекта предполагает событие, активным участником которого является адресат речевого действия, см., например: *Последний раз я пытаюсь отговорить их от задуманной авантюры* (В. Аксенов. Звездный билет*);

9) **АЛН**: *утешать* ‘участливым отношением, увещеваниями и т.п. успокоить, облегчить кому-л(ибо). горе, страдание’ (МАС), см., например: *И в моей ещё ни о чём не успевшей поразмышлять голове произошло кровоизлияние, но, как сказал, утешая маму, один из лечивших меня врачей, «ограниченного характера»* (А. Алексин. Раздел имущества*);

10) **АЭН**: *льстить* ‘лицемерно хвалить кого-л(ибо). в корыстных целях’. Лесть направлена на адресата, однако он не обязательно будет выступать активным субъектом, ср. *Позже-то я доглядел, что ты несколько не святой, не стану тебе льстить...* (А. Солженицын. В круге первом*);

11) **АПН**: *соболезновать* ‘выражать сочувствие горю, страданиям кого-л(ибо)’, например: *Ох, ну ты извини, такое горе у тебя, ох, сыночка потерял, соболезную...* (Октябрь, №8, 2001*). Негативно оцениваемое событие происходит не с адресатом речи, а с сопричастным ему человеком (умер сын), в связи с чем автором производится соответствующее этикетное высказывание.

Кроме того, обнаруживаются сочетания актантных соотношений, связанных с несколькими факторами:

1) полисобытийностью объектной ситуации: *напутствовать* ‘сказать кому-л(ибо). напутствие (пожелание, наставление отправляющемуся в путь или приступающему к чему-л(ибо). (к какому-л(ибо). делу, к какой-л(ибо). деятельности)’ (МАС). Всякое напутствие предполагает две роли его адресата в объектном событии: агенса (АЭА) и бенефициента (АЛН), ср., например: *В начале девяностых годов ученые, защитившие докторскую диссертацию по теории струны, с трудом могли устроиться на работу. «Их абстрактные знания были мало кому нужны», – вспоминает Джон Шварц. «Вы никогда не найдете себе работу, если выберете эту специальность», – такими словами напутствовал Эндрю Строминджера его научный руководитель* (Знание – сила, 2003*). В приведенной фразе выражены и само напутствие, которое заключается в совете не выбирать специальность, и отрицательные последствия неодобряемого действия, а

их связь оформлена условной конструкцией. В итоге актантное соотношение АЭА / АЛН;

2) наличием в основном событии знакообразования двух ролей: субъекта и адресата, вследствие чего может развиваться рефлексивность и по субъектному, и по адресатному типу. Такое сочетание актантных соотношений можно показать на примере глагола *приказать*. Этот глагол обозначает рефлексивную ситуацию, в которой в рефлексивное отношение могут вступить два участника: субъект основной пропозиции, отношение ориентировано на его личную сферу с неохарактеризованностью роли участника отношения в объектном событии (актантное соотношение СЛН); адресат основной пропозиции, отношение ориентировано на его эго-сферу (Р-контроль), участник отношения в объектном событии агентивен (актантное соотношение АЭА). Суммарное актантное соотношение СЛН / АЭА.

Таким образом, встречается 45 конкретных актантных соотношений или их сочетаний, характеризующих рефлексивные лексемы.

4.2. Была произведена семантическая классификация рефлексивных слов, которая выявила семь основных семантических классов: 1) Восприятие и ощущение (29 слов); 2) Интеллектуальная деятельность (274); 3. Эмоциональная и волевая деятельность (863); 4. Рефлексия (18); 5. Доверие (11); 6. Долженствование (25); 7. Речь и знакообразование (1271).

Внутри больших классов выделены подклассы, которые также могли дробиться еще на одну ступень рубрикации.

Анализ каждой группы лексики включает описание семантических особенностей, временного соотношения между основным и объектным событием, конструктивного потенциала, а также и прежде всего набора актантных типов слов, входящих в группу.

Анализ актантного типа и синтаксического поведения слов выявил семантическую близость слов, входящих в некоторые семантические классы и подклассы. Выявилась семантическая близость групп лексики со значением:

– потребности и долженствования. Субъект основного события у этих групп слов является бенефициентом объектного события. Различие в их семантике связано с тем, что субъект потребности совпадает с субъектом объектного события, а субъект долженствования, как правило, отличен от субъекта объектного события;

– жертвы и пренебрежения, заключающаяся в том, что субъект добровольно отказывается от определенного рода внешних или внутренних ценностей. Отличие же заключается в том, что жертва предполагает сопричастность субъекта основного события с этими ценностями, а пренебрежение связано с отказом от ценностей, которые предписываются ему внешним субъектом;

– жертвы и предпочтения. Сходство заключается в том, у основного события есть два объектных события, связанных альтернативными отношениями (отношениями выбора), из которых субъект основного события выбирает одно. Отличие же состоит в том, что предпочтение не фиксирует аспекта сопричастности субъекта с альтернативой, от которой он отказывается, а жертва связывает субъекта с этой альтернативой сопричастностью или даже помещает ее в его эго-сферу.

Результаты анализа сведены в таблицу:

Таблица

Распределение по актантным видам лексем со значением рефлексивной деятельности

Актантный вид и пример лексемы	Восприятие и ощущение	Интеллектуальная сфера	Эмоциональная и волевая сфера	Рефлексия	Доверие	Долженствование	Речь и знакообразование	Общий итог
1	2	3	4	5	6	7	8	9
АЛН <i>утешать</i>							32	32
АПН <i>соболезновать</i>							2	2
АЭА <i>отговорить</i>						25	13	38
АЭА / АЛН <i>напутствовать</i>							80	80
АЭН <i>льстить</i>							12	12
АЭН / АЛН <i>прописать</i>							1	1
СЛА <i>свободолюбивый</i>			4					4
СЛА / АЛН <i>отчет</i>							24	24
СЛН <i>мечтать</i>	9	103	448				62	622
СЛН / АЛН <i>предлагать</i>							81	81
СЛН / АЭА <i>приказать</i>							511	511
СЛН / АЭА / АЛН <i>позволить</i>							51	51
СЛН / АЭА / АЭП <i>приговорить</i>							4	4
СЛН / АЭА; СЭА / АЭП <i>нанять</i>							3	3
СЛН / АЭП <i>присудить</i>							2	2
СЛН / СЭА <i>стесняться</i>			2				14	16

1	2	3	4	5	6	7	8	9
СЛП / АЭА <i>вымогать</i>							10	10
СЛП / СЭА <i>бояться</i>			16					16
СПА <i>доверие</i>			2		1			3
СПА / АПН <i>сговорить</i>							2	2
СПА / СЛН <i>обидеться</i>			27		10			37
СПА / СЭА <i>постыдиться</i>			6					6
СПА / СЭП <i>ревновать</i>			7					7
СПН <i>прослышать</i>		9	19					28
СПН / АЭА <i>представить</i>							2	2
СПП <i>скорбеть</i>			6					6
СЭА <i>намереваться</i>	12	162	216	11			46	447
СЭА / АЛН <i>извиняться</i>							70	70
СЭА / АЛН; СЛН / АЭА <i>пари</i>							4	4
СЭА / АЛН; СЭП / АЭА <i>нанимать</i>							1	1
СЭА / АЭА <i>сговор</i>							50	50
СЭА / АЭА; СЭП <i>помолвка</i>							1	1
СЭА / АЭН / СЭН / АЭА <i>конкордат</i>							1	1
СЭА / АЭП <i>страховать</i>							25	25
СЭА / АЭП; СЭП / АЭА <i>меняться</i>							45	45
СЭА / СЛН <i>консультироваться</i>							7	7
СЭН <i>жаждать</i>	8		72	7			6	93
СЭН / АЛН <i>ломаться</i>							29	29
СЭН / АЭА <i>подольститься</i>							6	6
СЭН / СПН <i>тосковать</i>			6					6
СЭП <i>тщеславие</i>			21				1	22
СЭП / АЛН <i>стучать</i>							2	2
СЭП / АЭА <i>застраховаться</i>							71	71
СЭП / СЭА <i>остерегаться</i>			10					10
Общий итог	29	274	863	18	11	25	1271	2491

4.3. Существует большой класс слов, у которых значение сопричастности или контроля находится на периферии семантики. К ним относятся: слова, обозначающие посредников в переговорах; слова, у которых в се-

мантическом фокусе находится объектное событие, а рефлексивное событие смещено на предикатно-определятельную позицию, например, *преднамеренный, постыдный*; слова со значением каузации эмоции, например, *угодить*; слова со значением подчинения или неподчинения императивным речевым действиям, например, *повиноваться*; слова (а чаще – ЛСВ), употребляющиеся только совместно с лексемами, обозначающими рефлексивные события, например *заклочить*.

Таким образом, характеризуя лексему, рефлексивность имеет особенности, свойственные компонентам лексического значения:

1) потенциальность: это неактуализированное отношение, актуализация которого происходит в высказывании;

2) нечеткость: рефлексивность допускает (типы СЛ и АЛ) или даже предполагает (типы СП и АП) тождество участников а) основного события и б) пресуппозиции объектного события, что предполагает введение в язык описания понятий личной сферы и отношения сопричастности. Нечеткость рефлексивности связана также с актантным соотношением при тождестве референтов: можно указать только агентивность (контроль) / неагентивность (причастность) участника объектного события, а не конкретную актантную роль.

Степень нечеткости по тождеству и по актантному соотношению коррелирует: в личной сфере господствует не охарактеризованный по агентивности / неагентивности вид, а в эго-сфере наиболее часто встречается агентивность участника объектного события. Это показывает, что существует согласование референтного контроля / сопричастности, связанных с информационной деятельностью, и агентивного контроля / причастности по отношению к предметному действию. Это согласование говорит о единстве личной сферы в ее информационной и предметной составляющих.

В заключении подводятся общие итоги исследования.

Существует многообразие средств выражения связей контроля и сопричастности, образующих личную сферу человека, в современном русском языке. Все это говорит о большой значимости личной сферы, лично-го мира для носителя русского языка.

1. Личная сфера противопоставлена социальной сфере в той модели, которая является базовой для обозначения социальных реалий в русском языке. Социальная и личная сферы человека, существуя, по сути, на одном натуральном субстрате, совершенно по-разному представляют мир человека.

И выражается это по-разному. Для социальной сферы наиболее важно соединение дискретности и статичности культурной модели социума и динамической непрерывности социальной жизни, поэтому основные особенности ее языкового моделирования связываются с отдельностью выражения социальных объектов. Роль локализации, актуализации воспроиз-

водимого образа социальной реалии, выполняемая вспомогательными словами сложного наименования, оказывается очень высока, поскольку вне актуализации идеализированный социальный статус может существовать только в «мире идей», условном пространстве «идеального общества». Но наличие идеализированной модели общества необходимо, поскольку без нее неповторимый конкретно-исторический поток жизни был бы начисто лишен какой-либо определенности. Моделирующая и актуализирующая части наименования социальной реалии уравнивают друг друга.

Личная сфера образуется особого рода отношением лица, человека, к другим реалиям. Это отношение обычно находится в тени. Поэтому основным свойством языковых средств, связанных с личной сферой, является их вторичность, неявность, скрытость. Отсюда вытекает разнообразие средств выражения сопричастности, образующей личную сферу, и периферийность этого значения.

И стилистически языковые средства этих двух сфер различаются. Если типичное обозначение явления социальной сферы тяготеет к официальности, книжности, то личная сфера связана с разговорностью, с интимизацией общения.

Контраст социального и личного в семантике и выражении создает противоречивый языковой образ мира человека, в котором институциональное наглядно и аналитично, а личное скрыто и синтетично.

2. Существует противопоставление внешнего по отношению к человеку мира, макрокосма, и внутреннего мира, микрокосма. Внешний мир чужд человеку, отделен от него, но способен реагировать на воздействия с его стороны и тем самым познаваем и наблюдаем. Внутренний мир человека неотделим от него, он индивидуален и не поддается внешнему наблюдению.

Личная сфера человека образует переходную зону между предельно индивидуализированным микрокосмом и обезличенным макрокосмом.

В эту переходную зону попадают явления самой разной природы: сам человек, его тело и психика, события, вещи и люди, на которых он может влиять, а также большое число явлений и процессов, с которыми он ощущает, постоянно или ситуативно, внутреннюю связь – отношение сопричастности / причастности или контроля, которое устанавливается самим человеком. Эта связь не поддается прямому наблюдению и может только проявляться в поведении человека, огромную область которого составляют коммуникативные, прежде всего языковые взаимодействия. И язык предоставляет человеку средства для актуализации контроля и сопричастностей.

Существует множество метапредикатов сопричастности, которые позволяют понять, какие разновидности есть у этого отношения. Часть из этих отношений, такие, как любовь, симпатия, привязанности, уважение, определяются самим субъектом отношения и могут не иметь объективных

оснований. Другие отношения, такие как родство, свойство, этническая и пространственная близость, общность социальной группы, имеют в качестве базы объективное отношение, которое, однако, не означает автоматической сопричастности. Часто сопричастность и не может быть определена в каких-то точных терминах.

Существуют не менее пяти больших семантических категорий, тесно связанных с отражением в языке модели мира, которая ставит в центр индивидуального человека. Это категории предметного и коагентивного социального действия, оценки, посессивности, личный дейксис и его превращенная форма в структуре высказывания с эксплицитным модусом и в лексеме рефлексивного предиката. Каждая из этих категорий располагает серией средств, относящихся к разным уровням языка.

Выражение личной сферы определяется как периферийное использование этих средств: семантические переносы, транспозиции, нулевое выражение, семантические отклонения. В языке очень немного специализированных средств для прямой фиксации сопричастностей и контроля. И этому есть два объяснения.

Первое объяснение связано с тем, что сопричастность и контроль – скрытые, «невидимые» отношения. Их проявления вплетены в ткань повседневной жизни, растворены в действиях, поведении, телесных и словесных знаках, выражающих актуальные, необходимые для настоящего момента смыслы. Поэтому сопричастность и контроль часто оказываются на периферии значения и употребления языковых единиц.

С другой стороны, во многих случаях более точно было бы говорить о том, что периферийность характеризует не сам объект – сопричастность и контроль, – а его лингвистическую интерпретацию.

Лингвистика до последнего времени строила свои описания, игнорируя феномен личной сферы человека. Причиной тому послужила естественнонаучная картина мира, в которой объектный мир отделён (и отделен) от субъекта, и его пристрастия, симпатии, чувство родства и общности не оцениваются как существенные для объективного научного описания. Так, отношения принадлежности / обладания, которые считаются прототипом посессивности (притяжательности), являются только разновидностью более широкого отношения сопричастности, потому что большинство посессивных отношений не включают в себя обладание и не сводятся к нему, зато легко объясняются с помощью понятий сопричастности и контроля. И категория лица, которая связывается в современной лингвистике с участием в коммуникативном акте, в равной степени связана с отношениями participation. Об этом говорят факты детской речи, в которой дейксис, особенно нулевой, часто имеет точкой отсчета не прагматическую ситуацию, а систему сопричастностей ребенка: его семья, родители, где бы они ни находились реально, присутствуют в его актуальном мире.

Существование в современном русском языке огромного количества слов, выражающих (со)причастность / контроль чувствующего, думающего или говорящего человека с/над элементами событий, составляющих содержание его психической или коммуникативной деятельности (около 2,5 тыс. лексических единиц), также говорит о важности установления и выражения этих отношений как для самого человека, так и для языкового коллектива, к которому он принадлежит. То, что контроль и сопричастность пронизывают чувства, мысли, оценки и речь русскоговорящего, обеспечивает воспроизводимость этих отношений в русском этносе. Так, например, большинство эмоций в русской языковой картине мира ориентированы на личную сферу субъекта эмоции.

Возможно, все вышеперечисленное ставит перед лингвистикой (как и перед другими гуманитарными науками) задачу реорганизации своих теоретических построений, чтобы наконец определить подлинное место человека в языковой картине мира.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях автора (58,53 п.л.).

Монографии

1. **Ким И.Е.** Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография / И.Е. Ким. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. – 325 с. (26,3 п.л.)

Коллективные монографии

2. Ермаков С.В., **Ким И.Е.**, Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. 408 с. (25,5 / 6,2 п.л.)

3. **Ким И.Е.** О текстах письменных обращений граждан к представителям власти: языковые аспекты интолерантности // Культурные практики интолерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 482-490. (32,5 / 0,5 п.л.)

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских диссертаций

4. **Ким И.Е.** Социальное восприятие и его языковая модель // Вестник НГУ. Сер.: История, Филология. Т. 1. Вып. 1: Филология / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 85-91. (0,5 п.л.)

5. **Ким И.Е.** Категория сопричастности в предвыборной агитации // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер. История. Филология. Великий Новгород, 2009. № 52. С. 49-52. (0,4 п.л.)

6. **Ким И.Е.** Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. Филология. История. 2010. № 57. С. 47-51. (0,4 п.л.)

7. **Ким И.Е.** Рефлективная лексика со значением зрительного автовосприятия: моносубъектность и бенефициентность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010 (2) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. С. 231-236. (0,5 п.л.)

8. **Ким И.Е.** Колебание – намерение / отказ от действия в жизни человека и их лексическое выражение в современном русском языке // Вестник НГУ. Сер.: История, Филология. Т. 10. Вып. 2: Филология / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. С. 23-27. (0,45 п.л.)

9. **Ким И.Е.** Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск, 2011. С. 192-199. (0,6 п.л.)

10. **Ким И.Е.** Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира // Филология и человек. 2011. № 2. Барнаул, 2011. С. 59-71. (0,75 п.л.)

Научные статьи и материалы научных конференций

11. **Ким И.Е.** Анафора и синтаксическая связь в сложном предложении // Актуальные проблемы сложного предложения: Мат. науч. конф. Тверь, 21-22.01.1993. Тверь, 1993. С. 31-33. (0,1 п.л.)

12. **Ким И.Е.** Высказывание с модус-диктумной кореферентностью // Системный анализ значимых единиц языка: Смысловые типы предложений: Сб. науч. статей. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. Ч. 2. С. 32-41. (0,4 п.л.)

13. **Ким И.Е.** Русская безличность // М.М.Бахтин и современные гуманитарные практики: Мат. конф. /ККИиМК «Музейный центр на Стрелке». Красноярск, 1995. (0,1 п.л.)

14. **Ким И.Е.** Город как собеседник // Вестник ассоциации «Открытый музей» / ККИиМК «Музейный центр на Стрелке». Красноярск, 1996. № 4. С. 15. (0,2 п.л.)

15. **Ким И.Е.** Типы референтных отношений в модус-диктумной конструкции // «Филология – Журналистика'94»: Науч. мат. /Краснояр. ун-т. Красноярск, 1995. С. 35-36. (0,1 п.л.)

16. **Ким И.Е.**, Осетрова Е.В. Категории когнитивной лингвистики и комплексная семантическая модель предложения // «Филология – Журналистика'97» /Краснояр. ун-т. Красноярск, 1997. С. 12-19. (0,3 / 0,2 п.л.)

17. **Ким И.Е.** Деятель, действие и его результат в русской грамматике и русской культуре // Рождение разума: знаки пути: Сб. статей / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. С. 109-113. (0,3 п.л.)

18. **Ким И.Е.** Учет этнограмматических факторов при подготовке школьных преподавателей // Профессиональная подготовка преподавателей в университете: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ. 24-

25.09. 1998. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 1998. С. 59-60. (0,1 п.л.)

19. **Ким И.Е.** Осетрова Е.В. Региональный политик и общество: возможности лингвистической реконструкции // Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце 20 века: материалы 2-х Параславянских чтений. Красноярск, 15.12.1998. Красноярск, 1998. С.46-48. (0,1 / 0,05 п.л.)

20. **Ким И.Е.** Городское самосознание и городское самоуправление // Местное самоуправление, подготовка и переподготовка муниципальных служащих: опыт и проблемы становления: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 1999. Ч. 1. С. 82-83. (0,1 п.л.)

21. **Ким И.Е.** Городская культура и городское самосознание // Проблемы исторического языкознания и ментальности. Вып. 2. Формы вербализации общенационального и локального сознания. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 138-144. (0,6 п.л.)

22. **Ким И.Е.** Контроль и причастность в сфере человека и их отражение в языке // Проблемы исторического языкознания и ментальности: Сб. науч. статей / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1999. Вып. 3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. С. 68-82. (0,9 п.л.)

23. **Ким И.Е.** Контролируемость действия: сущность и структура // Лингвистический ежегодник Сибири / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 19-31. (0,75 п.л.)

24. **Ким И.Е.** Особенности выражения субъекта при инфинитиве в современном русском языке // Вестник Красноярского университета. Гуманитарные науки. Красноярск, 1999. Вып. 1. С. 83-86. (0,4 п.л.)

25. **Ким И.Е.** Русский этнограмматический тип // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: изд-во НГПУ, 1999. С. 141-153. (0,6 п.л.)

26. **Ким И.Е.** Социальное действие в русской обыденной психологии // Бюллетень клуба конфликтологов. Красноярск, 1999. Вып. 7. С. 54-63. (0,5 п.л.)

27. **Ким И.Е.**, Ланкин Ю.П. Моделирование языкового представления действия с использованием нейронных сетей // Моделирование неравновесных систем – 2000: Мат. III Всеросс. семинара, Красноярск, 20-22.10.2000 / ИПЦ КГТУ. Красноярск, 2000. С. 110-112. (0,2 / 0,1 п.л.)

28. **Ким И.Е.**, Резникова М.В. Референтные отношения языковых выражений со значением социальных объектов и их роль в организации текста // Лингвистический ежегодник Сибири / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2000. С. 5-17. (0,75 / 0,5 п.л.)

29. Ермаков С.В., Кижнер И.А., **Ким И.Е.**, Суховольский В.Г. О применении формальных методов (счётные цепи Маркова) к анализу отношений социальных объектов на материале политического дискурса // Лин-

гвистический ежегодник Сибири / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2000. Вып. 3. С. 75-88. (0,7 / 0,2 п.л.)

30. **Ким И.Е.** Информационная зависимость и синтаксическая связь в сложном предложении // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А. Белашаповой. М.: Индрик, 2001. С. 244-255. (0,7 п.л.)

31. **Ким И.Е.** Социальное восприятие: языковая модель денотативной ситуации // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и мат. Межд. конгресса русистов исследователей. Москва. 13-16.03.2001. С. 101-102. (0,1 п.л.)

32. **Ким И.Е.,** Ланкин Ю.П. Нейросетевая реализация моделей действия // «Нейрокомпьютеры и их применение» НКП-2001: Тр. 7-й Всеросс. конф. с междунар. участием. Москва, 14-16.02.2001. М., 2001. С. 318-321. (0,25 / 0,15 п.л.)

33. Суховольский В.Г., **Ким И.Е.,** Ермаков С.В. В поисках будущего: как профсоюзы представляют свою деятельность и свои цели? // Общество. Власть. Профсоюзы: Мат. науч.-практ. конф. Красноярск, 2001. С. 15-17. (0,1 / 0,05 п.л.)

34. **Ким И.Е.** Идеологический и этнокультурный компоненты грамматики: система и норма // Речевое общение: Специализир. вестник / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2002. Вып. 4. С. 124-128. (0,3 п.л.)

35. **Ким И.Е.** Грамматические средства воздействия в педагогическом процессе // Культура речевого общения в общеобразовательных учреждениях разных уровней: Мат. всеросс. науч.-практ. конф. /Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2003. С. 44-50. (0,4 п.л.)

36. **Ким И.Е.** Развитие залогово-видовой системы русского языка и его этнокультурные корни // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. М.: Азбуковник, 2003. С. 355-363. (0,5 п.л.)

37. **Ким И.Е.** Речевые жанры коммуникации «народ – власть» (на примере писем в Красноярский городской совет 1998-2000 гг.) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 7 /Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2005. С. 129-139. (0,5 п.л.)

38. **Ким И.Е.,** Ускова С.В. Семантические валентности лексемы *поступок* и их синтаксические экспликативы в тексте // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 7 /Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2005. С. 16-22. (0,5 / 0,2 п.л.)

39. **Ким И.Е.** Социальные качества человека и их выражение в современном русском языке // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 163-175. (0,9 п.л.)

40. **Ким И.Е.** Личный дейксис и личная сфера // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1 (8). Красноярск, 2006. С. 54-67. (0,9 п.л.)

41. **Ким И.Е.** Оценка и личная сфера // Филология – Журналистика 2006: Сб. науч. статей /Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2006. С. 51-57. (0,4 п.л.)

42. **Ким И.Е.** Прагматика и семантика сопричастности в современном русском языке // Российский лингвистический ежегодник. 2007. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007. С. 148-155. (0,54 п.л.)

43. **Ким И.Е.** Семантика сопричастности и русская языковая картина мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и мат. III Межд. конгресса исследователей русского языка. Москва. 20-23.03.2007. М., 2007. С. 490-491. (0,1 п.л.)

44. **Ким И.Е.** Субъектные валентности инфинитива в современном русском языке // Проблемы сохранения, развития и распространения русского языка как великого достояния народа: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 28-29.06 – 23-24.10.2003. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 39-46. (0,56 п.л.)

45. **Ким И.Е.** Сопричастность и чуждость в русской языковой картине мира // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат. 2-й междунар. науч. конф. Красноярск, 10-12.09.2007 /Ин-т естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета. Красноярск, 2007. С. 186-191. (0,3 п.л.)

46. Kim I. Levy-Bruhl's concept of participation and the indirect use of relation nouns in the Russian language // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2008 (1). P. 62-69. (0,65 п.л.)

47. **Ким И.Е.** Неязыковые и языковые средства актуализации сопричастности / чуждости и коммунальный быт (опыт лингвистического прочтения книги И. Утехина «Очерки коммунального быта») // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. статей в честь профессора Т.А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 350-362. (Труды гуманитар. ф-та НГУ. Сер. 2. Сб. науч. тр.). (0,6 п.л.)

48. **Ким И.Е.** Слова со значением ожидания и категория сопричастности // Российский лингвистический ежегодник. 2008. Вып. 3 (10). Науч. издание. Красноярск, 2008. С. 148-153. (0,4 п.л.)

49. **Ким И.Е.**, Осетрова Е.В., Сперанская А.Н. Содержательные основания программы «Активная и практическая лингвистика» // Повышение качества высшего профессионального образования: Мат. Всеросс. науч.-методич. конф. с междунар. участием. в 2 частях / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2007. Ч.2. С 258-262. (0,4 / 0,1 п.л.).

50. **Ким И.Е.** Формирование коммуникативной компетенции в курсе морфологии русского языка для журналистов и социальная семантика // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 2 (Приложение). С. 58-67. (0,38 п.л.)

51. **Ким И.Е.** Сопричастность и ее проявления в русском бытовом поведении // История образования и науки в Сибири: Мат. конф. Вып. 3. Красноярск, 2009. С. 188-194. (0,45 п.л.)

Учебно-методические разработки

52. Теория референции: Мат. к спецкурсу / Сост. *И.Е. Ким*. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. Вып. 1: Референция и кореферентность 38 с. (2,3 п.л.)

53. Теория референции: Мат. к спецкурсу / Сост. *И.Е. Ким*. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. Вып. 2: Выражение кореферентности. 46 с. (3,0 п.л.)

54. Теория референции: Мат. к спецкурсу / Сост. *И.Е. Ким*. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1997. Вып. 3: Модус-диктумная кореферентность. 36 с. (2,5 п.л.)

Рецензии

55. *Ким И.Е.* О «скрытых» языковых явлениях: Рец. на монографию: Стексова Т.И. «Невольность осуществления» как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск: Изд-во НПГУ, 1998. 81 с.) // ЯЛИК, 1999. № 32. С. 14-15. (0,25 п.л.)